

АК

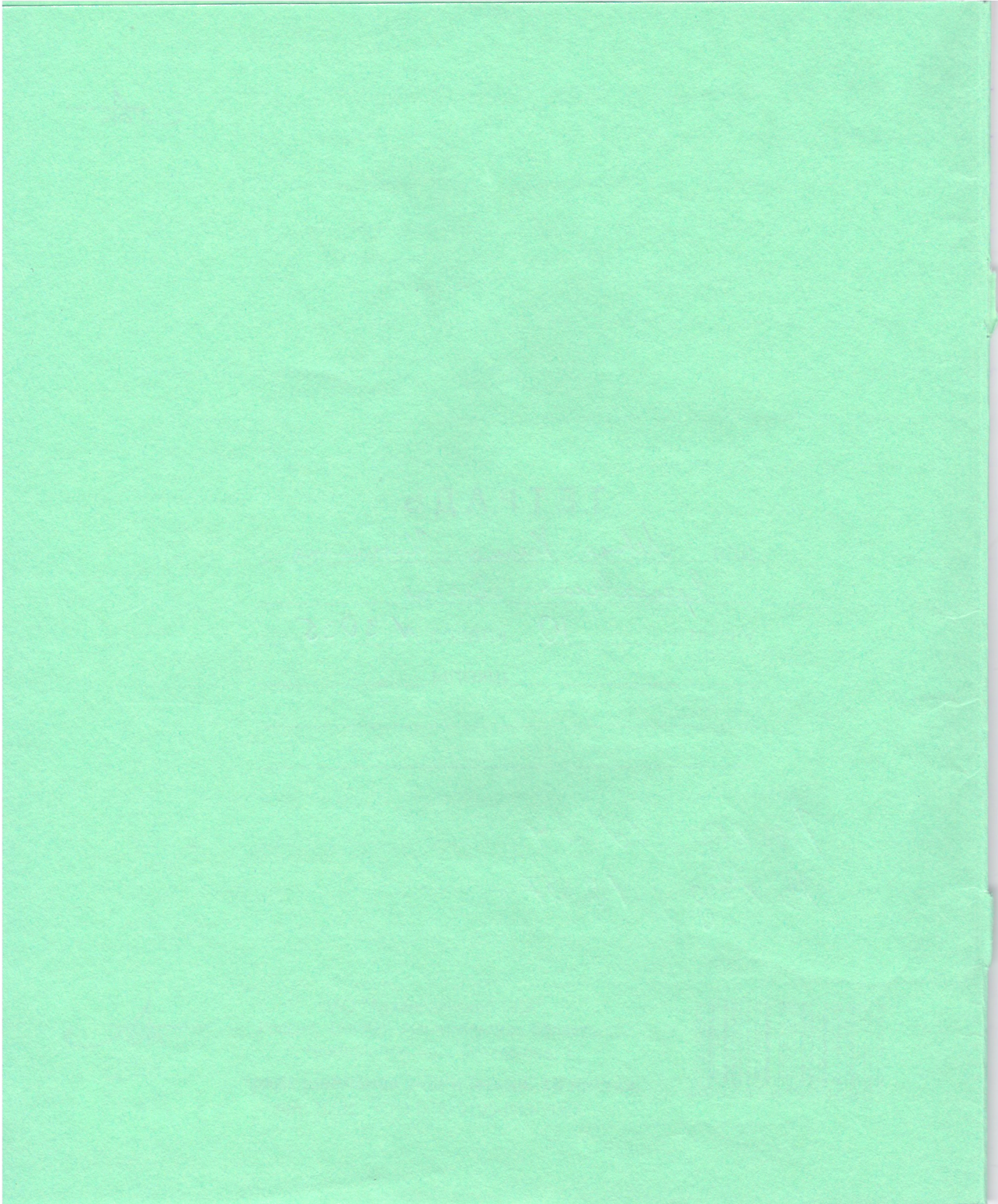
ТЕТРАДЬ

для Левина Ксения Ионовича
Иркутская область
учени 10 класса № 3035
школы _____
_____
_____

Фикср 12:34
Вход 12:34

51716

Довольно часто в произведениях авторов возникает мотив дороги. Разумеется, каждый писатель использует его для разных целей. Можно привести много примеров, когда мотив дороги реализуется через езду на чём-либо: наезде, телеге, корабле и так далее. В „Пиратском“ Баратынского лирический герой, а в данном случае мы говорим именно о нём, причём не только потому, что в самом произведении присутствует местоимение „я“, но и потому, что стихотворение имеет явно автобиографический подтекст, путешествовал на корабле.

Итак, что же происходит в творении поэта? Пароход идёт в итальянский порт, на его борту тот самый „я“, который едет в Ливорно и вспоминает всё прошлое (ка это указывают слова прошедшего времени). Таким образом, у нас возникает два временных плана: настоящее, то есть путешествие на корабле и всё, что с ним связано, и прошлое, ~~вспоминаемое~~ о котором уже было сказано. В самом конце произведения появятся ещё и будущее, но о нём чуть позже.

В настоящем пиратский идёт по волнам с надутыми парусами, берега уже не видно, то есть корабль отрезан от всего земного, он в открытом море („с бортам кабрижские скрючены“, „каждому из нас с морскими волнами“). Стоит отметить, что пароход сопровождает белая чайка. Сразу вспоминается голубь из баллады Жуковского „Сестра“, который воспринимается как символ чистоты, заботы и покровительства высших сил. Эту же характеристику можно перенести и на чайку, ибо она мало того, что следует

за кораблём, но и реет „мен вез и кебес“, соответственно, не принадлежащий земле (в данном случае поверхности водной глади), а является посланником Бога, хранителем и наблюдателем. И тут же автор сравнивает с крылатой хищницей робочую лодку. „Воз его птица“ — называет Баратынский это судёнышко. Точка в чём же сходство между чайкой и лодкой? Во-первых, они сопрягаются стихами. Чайка должна противостоять сильным морским ветрам, а лодка бурям, диким средиземным волнам. Во-вторых, маленькое судно тоже имеет крыло, точнее крыло — это парус. А в-третьих, лодка, как и чайка, занимает промежуточное положение между водой и небом, хотя, разумеется, очень тесно связана с земным миром. Работая, концентрированное долго ждать улова, наблюдают за морем, точно как птица с высоты, в тоже время их глаза часто поднимаются вверх, потому что только облака и ветра могут предупредить людей о надвигающейся буре. Вот и всё, чем интересно название.

Обратимся к недавнему прошлому. „Вздыгнули свисток“, „ветру нам парус раздался недаром“, „вздохнул океан“ — корабль вышел из порта Марсель. Но для лирического героя воспоминание об этом старом море навеет для более глубоких размышлений о собственной жизни. Вездё этого момента три строфы были написаны от лица „нас“ — экипажа экипажа и всех пассажиров корабля, причём настоящее в произведении (время, в котором идёт речь) предшествует прошлому (реальности „я“). Границей между временными планами становится

строчка: «С браню набрешная скроется, ушло!» Несмотря на то, что в первом местительном используется начало в прошедшем времени, и говорит оно об уже случившемся событии (выходе из порта), его можно отнести к ~~настоящему~~ настоящему как хронологическое переименование событий, имеющих непосредственное отношение к описанному путешествию. Строку, следующую за ~~уже~~ выделенной нами границей, можно воспринимать по-разному. Как я уже упоминала, мифический герой в «Пиратском» может быть связан с абисроном. Дело в том, что Евгений Абрамович отправляется в это путешествие вместе со своей женой. За спиной, с одной стороны, у него остался родина, все друзья, родственники, знакомые, а с другой, «чужие» земли, так как до приезда в Италию супруги посетили многие европейские страны (Германию, например). Это касается «разрешения ланго, истинная злая», но Баратонскому пришлось пережить много разочарований и потерь. А так как поэт был близок с некоторыми декабристами, то решение многих вопросов можно начинать практически в прямом смысле слова. Дочь Баратонского была одиозной, поэтому ребенка «с детства вела...» сроду не была в области свободной волевого бела. И именно этот человек привнес влестичную страсть и чуждого чужеземных посетителей и поэтов. Отсюда и упоминание в стихотворении Ретига и Зигиза. Кстати «Пиратский» написан дактилем — размером, который более переведен «Одиссея» Гомера, а в подражание движению / или Баратонский использует ассонанс на [o] и [a], к которому время от времени

Роб

присоединяются и другие пасные звуки (чаще [э] и [и]). Всё это подчёркивает преемственность английской и русской императивной традиции, хотя уже Ломоносов и Державин начинали отходить от первой.

Било сказано, что Баратынский много пришлось пережить, что отражалось и на его лирическом творчестве, но поднятый эскер тот воспринимает как символ надежды. Вопрос: каково? Возможно, на лучшее жизнь на другом берегу, на счастье. А может, на покой от всех смутений, которые уже пережизня думя лирического героя, на своеобразный Рай.

Соответственно, опущенный эскер должен символизировать осуществление, превращение в жизнь всех надежд. Но лирический герой не ждёт этого, «пузырь нет», без «в сердце и немю приотворена нела». Получается, что он не хочет, чтобы корабль пристал к берегу, потому что тогда исчезнет сама надежда на лучшее. И тут же «пробий Благой свет око из лазоревой урны», но есть лирическому герою позволяют увидеть рай — «Земли земной». Но всё же рай и аз идут человека только после смерти, зная, через какие жизненные пути, исполненной искренней надеждой на существование лучшего мира. Но время этот дарит Баратынский начинает по-другому, немел, сползает, Пушкин. У Александра Сергеевича в «Телем жизни» время оживляется, становится анимированным, который ведёт не останавливаясь, а разница между прошлым — детством, юностью — зрелостью и будущим — старостью только в их продолжительности и скорости скачки. Действительно в стихотворении из Баратынского прошлое — всё, что было: детство, юность, все года, все годы, дни, прожитые до сего момента, — ярче и характернее некоторая

мрачность восприятия этого времени („слезотой“, „раздетый локоть, шипиток, да“, „много пеленок... выжав“). Наставшее — но, что происходит сейчас. Я бы назвала его спокойно-напряженным. С одной стороны, слова „вышивное око“, „каждому“ настраивают на некую интимность и безопасность, а с другой, „каждому“ мучит машина и мушкетеры поспешивают, не дают забыть, где находится мирный герой (как в одной бездной, где любая непогода может кончиться крушением корабля). А туманное Будущее, исполненное верой, почти детские энтузиазмом и неукротимым оптимизмом, когда не оно наступит, которое переживет акаридой „завтра увижу... завтра увижу...“, вместе и беззаботно („из казюльки урны“, завтра Будет берег и порт — вход в рай — „Бабушки Либурны“ и сам „Земный земной“).

Это не просто шатив дороги в одном из произведений русских поэтов. Через камни не измерять, не измерять о том voyage, а мысль-идея — надежда о том, что всякий путь, начинаешь так же как жизнь, кончить или переживание, закончить, как и должно. Добро восторжествоет, если хотим. Самое главное, что в этом пути никто не останется одиноким, рядом всегда будет ангел-хранитель — та самая гайка над кораблем.

Автор в своем в верко пишет текст, акцентировать его, делая тонкий замечание. Не случайно отомкнутость естественные образы гайки и гайки —

их лю-манн гра, они разные,
да практические. Этих характере-
ризующие и вконец можно. В
книжечные автор разборы иная,
внимавает некоторые и критиче-
ские впрочем там ссылки: как, о
дешеве у баратинского и го-
ловител.

к1-21

к2-11

к3-5

к4-7

к5-3

(Зин М)
Гельфанд

48 басисов.